

Н. ЛЕСКОВ

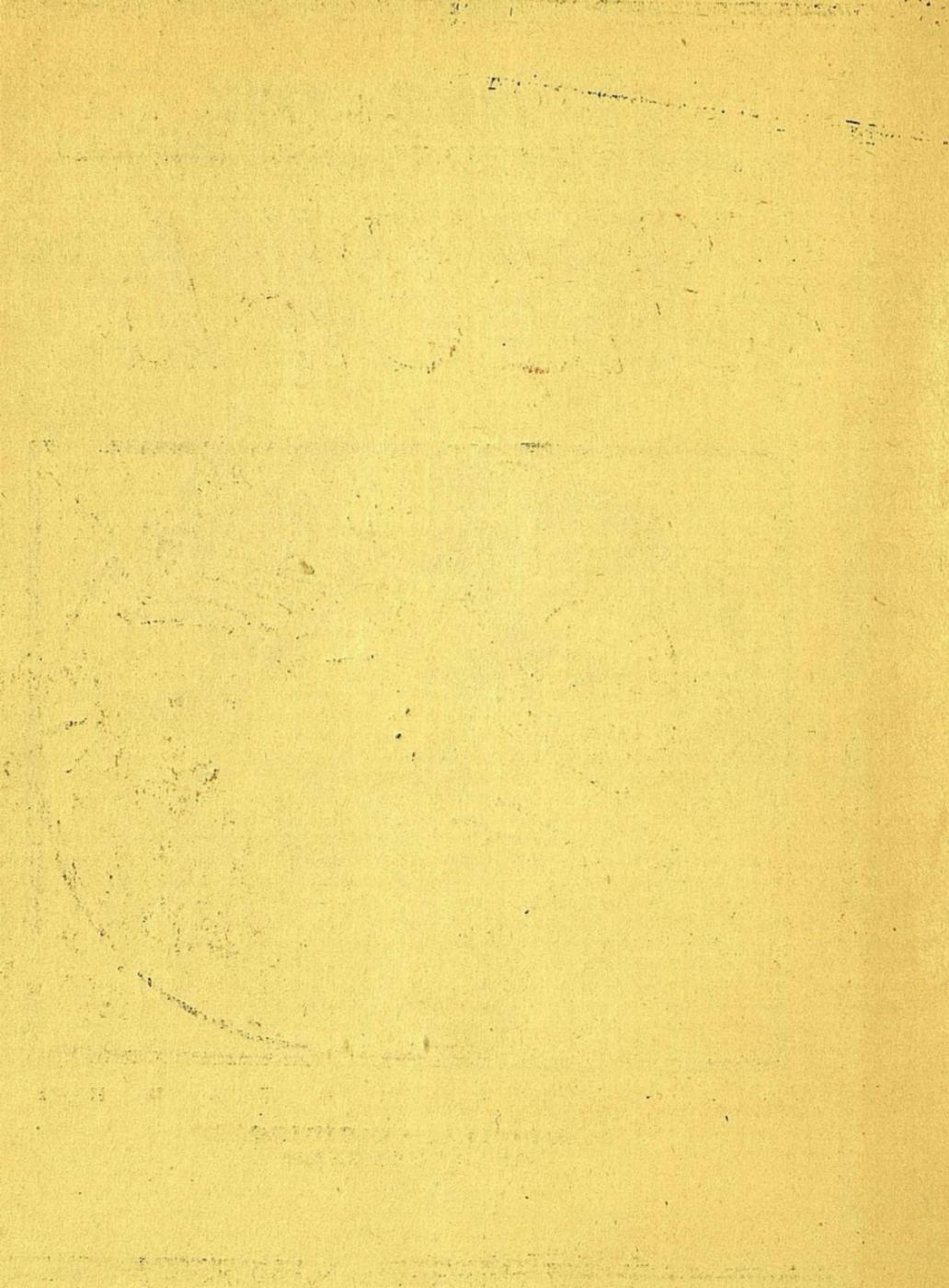
ЗВЕРЬ

В Т О Р О Е И З Д А Н И Е

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

1928

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО
И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Н. ЛЕСКОВ

Л-502

З В Е Р Ъ

РАССКАЗ В ПЕРЕРАБОТКЕ
Н. ЖБАНКОВОЙ

РИСУНКИ Б. КУСТОДИЕВА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1928 * ЛЕНИНГРАД

~~754578~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

Д. 21. Гиз № 25807/м.
Ленинградский Областлит № 11994.
1⁵/₈ л. Тираж 10000.

672576 Кх-рег

Российская государственная
детская библиотека

I

Отец мой был известный в свое время следователь. ¹ Ему поручали много важных дел, и потому он часто отлучался от семейства, а дома оставались мать, я и прислуга.

Матушка моя тогда была еще очень молода, а я — маленький мальчик.

При том случае, о котором я теперь хочу рассказать, — мне было всего только пять лет.

Была зима, и очень жестокая. Стояли такие холода, что в хлевах замерзали ночами овцы, а воробьи и галки падали на мерзлую землю окоченелые. Отец мой находился об эту пору по служебным обязанностям в Ельце и не обещал приехать домой даже к Рождеству, а потому матушка собралась сама к не-

¹ Смотри пояснения в конце книги.

му съездить, чтобы не оставить его одиноким в праздник. Меня, по случаю ужасных холодов, мать не взяла с собой в дальнюю дорогу, а оставила у своей сестры, а моей тетки, которая была замужем за одним орловским помещиком, про которого ходила невеселая слава. Он был очень богат, стар и жесток. В характере у него преобладали злобность и неумолимость, и он об этом нимало не сожалел, а, напротив, даже щеголял этими качествами, которые, по его мнению, служили будто бы выражением мужественной силы и непреклонной твердости духа.

Такое же мужество и твердость он стремился развить в своих детях, из которых один сын был мне ровесник.

Дядю боялись все, а я всех более, потому что он и во мне хотел «развить мужество», и один раз, когда мне было три года, и случилась ужасная гроза, которой я боялся, он выставил меня одного на балкон и запер дверь, чтобы таким уроком отучить меня от страха во время грозы.

Понятно, что в доме такого хозяина го-

стил я неохотно и с немалым страхом, но мне, повторяю, тогда было пять лет, и мои желания не принимались в расчет.

II

В имении дяди был огромный каменный дом, похожий на замо́к. Это было затейливое, но некрасивое и даже уродливое двухэтажное здание с круглым куполом и с башнею, о которой рассказывали всякие ужасы. Там когда-то жил сумасшедший отец нынешнего помещика, потом, в его комнатах учредили аптеку. Это также почему-то считалось страшным; но всего ужаснее было то, что наверху этой башни, в пустом изогнутом окне были натянуты струны, то есть была устроена так называемая «Эолова арфа».² Когда ветер пробегал по струнам этого своеговольного инструмента, струны эти издавали неожиданные и странные звуки, переходившие от тихого густого рокота в беспокойные, нестройные стоны и неистовый гул. В доме все не любили эту арфу и думали,

что она говорит что-то такое здешнему грозному господину, и он не смеет ей возражать, но оттого становится еще немилосерднее и жесточе... Было несомненно примечено, что если ночью срывается буря, и арфа на башне гудит так, что звуки долетают через пруды и парки в деревню, то барин в ту ночь не спит и на утро встает мрачный и суровый и отдает какое-нибудь жестокое приказание, приводившее в трепет сердца всех его многочисленных рабов.

В обычаях дома было, что там никогда и никому никакая вина не прощалась. Это было правило, которое никогда не изменялось, не только для человека, но даже и для зверя или какого-нибудь мелкого животного. Дядя не хотел знать милосердия и не любил его, ибо почитал его за слабость. Неуклонная строгость казалась ему выше всякого снисхождения. Оттого в доме и во всех обширных деревнях, принадлежащих этому богатому помещику, всегда царила безотрадная унылость, которую с людьми разделяли и звери.

III

Покойный дядя был страстный любитель псовой охоты. Он ездил с борзыми и травил волков, зайцев и лисиц. Кроме того, в его охоте были особенные собаки, которые брали медведей. Этих собак называли «пьявками». Они впивались в зверя так, что их нельзя было от него оторвать. Случалось, что медведь, в которого впивалась зубами пьявка, убивал ее ударом своей ужасной лапы или разрывал ее пополам, но никогда не бывало, чтобы пьявка отпала от зверя живая.

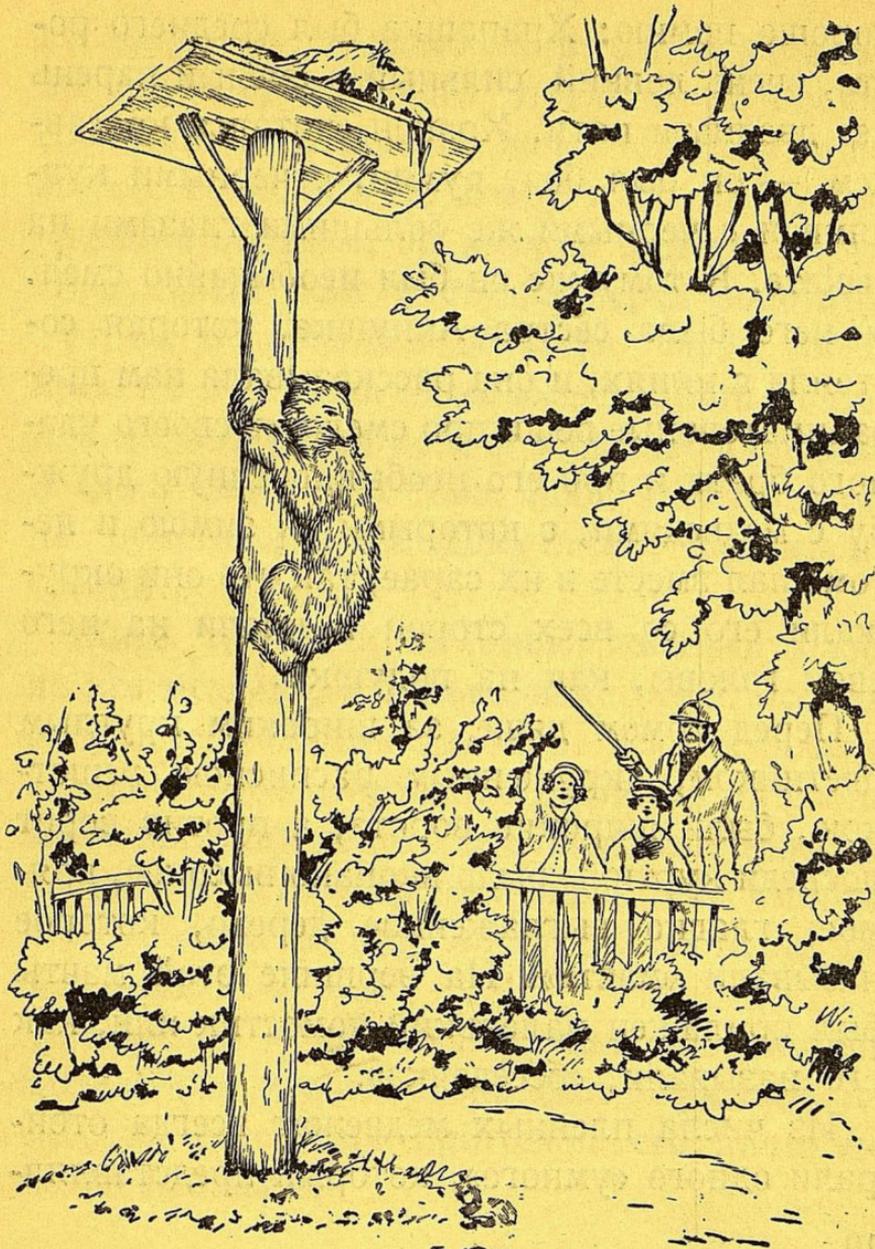
Позже, когда на медведей стали охотиться только облавами или с рогатиной, порода собак-пьявок, кажется, совсем уже перевелась в России; но в то время, о котором я рассказываю, они были почти при всякой хорошо собранной большой охоте. Медведей в нашей местности тогда тоже было очень много, и охота за ними составляла большое удовольствие.

Когда случалось овладевать целым медвежьим гнездом, то из берлоги брали и при-

возили маленьких медвежат. Их обыкновенно держали в большом каменном сарае, с маленькими окнами, сделанными под самой крышей. Окна эти были без стекол, с одними толстыми железными решетками. Медвежата, бывало, до них вскарабкивались друг по дружке и висели, держась за железо своими цепкими, когтистыми лапами. Только таким образом они могли выглядывать из своего заключения на вольный свет.

Когда нас выводили гулять перед обедом, мы больше всего любили ходить к этому сараю и смотреть на выставившиеся из-за решеток смешные мордочки медвежат. Немецкий гувернер Кольберг умел подавать им на конце палки кусочки хлеба, которые мы припасали для этой цели за своим завтраком.

За медвежатами смотрел и кормил их молодой доезжачий,⁸ по имени Ферапонт; но, так как это имя было трудно для простонародного выговора, то его произносили «Храпон» или, еще чаще, «Храпоцка». Я его очень

хорошо помню: Храпошка был среднего роста, очень ловкий, сильный и смелый парень лет двадцати пяти. Храпон считался красавцем, — он был бел, румян, с черными кудрями и с черными же большими глазами на выкате. К тому же он был необычайно смел. У него была сестра Аннушка, которая состояла в нянях, и она рассказывала нам презанимательные вещи про смелость своего удалого брата и про его необыкновенную дружбу с медведями, с которыми он зимою и летом спал вместе в их сарае, так что они окружали его со всех сторон и клали на него свои головы, как на подушку.

Перед домом дяди, за широким круглым цветником, окруженным расписною решоткою, были широкие ворота, а против ворот посреди куртины было вкопано высокое, прямое, гладко выглаженное дерево, которое называли «мачта». На вершине этой мачты был прилажен маленький помостик или, как его называли, «беседочка».

Из числа пленных медвежат всегда отбирали одного «умного», который представлял-

ся наиболее смышленным и благонадежным по характеру. Такого отделяли от прочих собратий, и он жил на воле, то есть ему дозволялось ходить по двору и по парку, но, главным образом, он должен был содержать караульный пост у столба перед воротами. Тут он и проводил ббльшую часть своего времени или лежа на соломе у самой мачты, или же взбирался по ней вверх до «беседки», и здесь сидел или тоже спал, чтобы к нему не приставали ни докучливые люди, ни собаки.

Жить такую привольною жизнью могли не все медведи, а только некоторые, особенно умные и кроткие, и то не всю их жизнь, а пока они не начинали обнаруживать своих зверских, неудобных в общежитии наклонностей, то есть пока они вели себя смирно и не трогали ни кур, ни гусей, ни телят, ни человека.

Медведь, который нарушал спокойствие жителей, немедленно же был осуждаем на смерть, и от этого приговора его ничто не могло избавить.

IV

Отбирать «смышленного медведя» должен был Храпон. Так как он больше всех обращался с медвежатами и почитался большим знатоком их природы, то понятно, что он один и мог это делать. Храпон же и отвечал за то, если сделает неудачный выбор, — но он с первого же раза выбрал для этой роли удивительно способного и умного медведя, которому было дано необыкновенное имя: медведей в России вообще зовут «мишками», а этот носил испанскую кличку «Сганарель». Он уже пять лет прожил на свободе и не сделал еще ни одной «шалости». Когда о медведе говорили, что «он шалит», это значило, что он уже обнаружил свою зверскую натуру каким-нибудь нападением.

Тогда «шалуна» сажали на некоторое время в «яму», которая была устроена на широкой поляне между гумном и лесом, а через некоторое время его выпускали (он сам вылезал по бревну) на поляну, и тут его травили «молодыми пъявками» (т. е. подростлыми

щенками медвежьих собак). Если же щенки не умели его взять и была опасность, что зверь уйдет в лес, то тогда стоявшие в безопасном «секрете» два лучших охотника бросались на него с отборными опытными сворами, ⁴ и тут делу наставал конец.

Если же эти собаки были так неловки, что медведь мог прорваться «к острову» (т. е. к лесу), который соединялся с обширным брянским полесьем, то выдвигался особый стрелок, с длинным и тяжелым кухенренторовским штуцером ⁵ и, прицелившись «с сошки», ⁶ посылал медведю смертельную пулю.

Чтобы медведь когда-либо ушел от всех этих опасностей, такого случая еще никогда не было, да страшно было и подумать, если бы это могло случиться: тогда всех в том виноватых ждали бы смертоносные наказания.

V

Ум и солидарность Сганареля сделали то, что описанной потехи или медвежьей казни

не было уже целые пять лет. В это время Сганарель успел вырасти и сделался большим матерым медведем, необыкновенной силы, красоты и ловкости. Он отличался круглою, короткою мордою и довольно сложным строением, благодаря которому напоминал более колоссального грифона или пуделя, ⁷ чем медведя. Зад у него был суховат и покрыт невысокою, лоснящеюся шерстью, но плечи и загорбок были сильно развиты и покрыты длинною и мохнатою растительностью. Умен Сганарель был тоже, как пудель и знал некоторые замечательные для зверя его породы приемы: он, например, отлично и легко ходил на двух задних лапах, подвигаясь вперед передом и задом, умел бить в барабан, маршировал с большою палкою, раскрашенною в виде ружья, а также охотно и даже с большим удовольствием таскал с мужиками самые тяжелые кули на мельницу и с своеобразным шиком пресмешно надевал себе на голову высокую, мужичью островерхую шляпу с павлиньим пером или с соломенным пушком вроде султана.

Но пришла роковая пора — звериная натура взяла свое и над Сганарелем. Незадолго перед моим прибытием в дом дяди, тихий Сганарель вдруг провинился сразу несколькими винами, из которых одна была тяжелее другой.

Программа преступных действий у Сганареля была та же самая, как и у всех прочих: для первоуценки он взял и оторвал крыло гусю; потом положил лапу на спину бежавшему за маткою жеребенку и переломил ему спину, и, наконец, ему не понравились слепой старик и его поводырь, и Сганарель принялся катать их по снегу, причем потоптал им руки и ноги.

Слепца с его поводырем взяли в больницу, а Сганареля велели Храпону отвести и посадить в яму, откуда был только один выход — на казнь...

Анна, раздевая вечером меня и такого же маленького в то время моего двоюродного брата, рассказала, что при отводе Сганареля в яму, в которой он должен был ожидать смертной казни, произошли очень большие трогательности. Храпон не продергивал в губу Сганареля «больнички», или кольца, и не употреблял против него ни малейшего насилия, а только сказал:

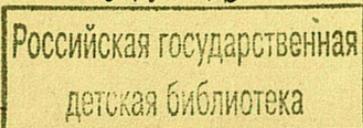
— Пойдем, зверь, со мною.

Медведь встал и пошел, да еще что было смешно — взял свою шляпу с соломенным султаном и всю дорогу до ямы шел с Храпоном обнявшись, точно два друга.

VI.

Храпону было очень жаль Сганареля, но он ему ничем пособить не мог. Напоминаю, что там, где это происходило, никому нико-

672546

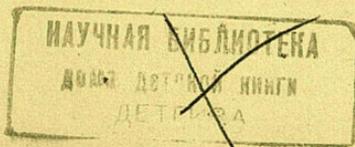

гда никакая провинность не прощалась, и провинившийся Сганарель непременно должен был заплатить за свои увлечения лютой смертью.

Травля его назначалась как послеобеденное развлечение для гостей, которые обыкновенно съезжались к дяде на Рождество. Приказ об этом был уже отдан на охоте в то же самое время, когда Храпону было велено отвести виновного Сганареля и посадить его в яму.

VII

В яму медведей сажали довольно просто. Люк, или творило ямы, обыкновенно закрывали легким хворостом, накиданным на хрупкие жерди, и посыпали эту покрывку снегом. Это делалось так искусно, что медведь не мог заметить устроенной ему предательской ловушки. Покорного зверя подводили к этому месту и заставляли итти вперед. Он делал шаг или два и неожиданно проваливался в глубокую яму, из которой не бы-

ло никакой возможности выйти. Медведь сидел здесь до тех пор, пока наступало время его травить. Тогда в яму опускали в наклонном положении длинное, аршин семи, бревно, и медведь вылезал по этому бревну наружу. Затем начиналась травля. Если же случалось, что сметливый зверь, предчувствуя беду, не хотел выходить, то его понуждали выходить, беспокоя длинными шестами, на конце которых были острые железные наконечники, бросали зажженную солому или стреляли в него холостыми зарядами из ружей и пистолетов.

Храпон отвел Сганареля и заключил его под арест по этому же самому способу, но сам вернулся домой очень расстроенный и опечаленный. На свое несчастье, он рассказал своей сестре, как зверь шел с ним. «ласково» и как он, провалившись сквозь хворост в яму, сел там на днище и, сложив передние лапы, как руки, застонал, точно заплакал.

Храпон открыл Анне, что он бежал от этой ямы бегом, чтобы не слышать жалост-

ных стонов Сганареля, потому что стоны эти были мучительны и невыносимы для его сердца.

— Хорошо, — добавил он, — что не мне, а другим людям велено в него стрелять, если он уходить станет. А если бы мне то было приказано, то я лучше бы сам всякие муки принял, но в него ни за что бы не выстрелил.

VIII

Анна рассказала это нам, а мы рассказали гувернеру Кольбергу, а Кольберг, желая чемнибудь позанять дядю, передал ему. Тот это выслушал и сказал:

— Молодец Храпошка, — а потом хлопнул три раза в ладоши.

Это значило, что дядя требует к себе своего камердинера Устина Петровича, старичка из пленных французов двенадцатого года.

Устин Петрович, иначе Жюстин, явился в своем чистеньком, лиловом фрачке с серебряными пуговицами, и дядя отдал ему при-

казание, чтобы к завтрашней «садке», или на охоте на Сганареля, стрелками в секретах были посажены Флегонт — известнейший стрелок, который всегда бил без промаха, а другой — Храпошка. Дядя, очевидно, хотел позабавиться над затруднительною борьбою чувств бедного парня. Если же он не выстрелит в Сганареля или нарочно промахнется, то ему, конечно, тяжело достанется, а Сганареля убьет вторым выстрелом Флегонт, который никогда не дает промаха.

Устин поклонился и ушел передавать приказание, а мы, дети, сообразили, что мы наделали беды, и что во всем этом есть что-то ужасно тяжелое, и теперь неизвестно, как оно и кончится. После этого нас не занимали по достоинству ни вкусный рождественский ужин, который справлялся «при звезде», за один раз с обедом, ни приехавшие на ночь гости, из которых с некоторыми были и дети.

Нам было жаль Сганареля, жаль и Феропонта, и мы даже не могли решить, кого из них двух мы больше жалеем.

Оба мы, то есть я и мой ровесник — двоюродный брат, долго ворочались на своих кроватках.

Оба мы заснули поздно, спали дурно и вскрикивали, потому что нам обоим представлялся медведь. А когда няня нас успокаивала, что медведя бояться уже нечего, потому что он теперь сидит в яме, а завтра его убьют, то мною овладевала еще ббольшая тревога.

IX

Наступил день Рождества. Тотчас же после обеда назначено было отправляться травить Сганареля. Медлить было нельзя, потому что в эту пору рано темнеет, а в темноте травля невозможна, и медведь легко может скрыться из вида.

Исполнилось все так, как было назначено. Нас прямо из-за стола повели одевать, чтобы везти на травлю Сганареля. Надели наши заячьи шубки и лохматые, с круглыми подошвами, сапоги, вязанные из козьей шер-

сти, и повели усаживать в сани. А у подъездов с той и с другой стороны дома уже стояло множество длинных больших троечных саней, покрытых узорчатыми коврами, и тут же два стремянных ⁸ держали под уздцы дядину верховую английскую рыжую лошадь, по имени Щеголиху.

Дядя вышел в лисьем архалуке ⁹ и в лисьей остроконечной шапке, и как только он сел на седло, покрытое черною медвежьей шкурою и богато изукрашенное бирюзой, весь наш огромный поезд тронулся, а через десять или пятнадцать минут мы уже приехали на место травли и выстроились полукругом. Все сани были расположены полуоборотом к обширному, ровному, покрытому снегом полю, которое было окружено цепью верховых охотников и вдали замыкалось лесом.

У самого леса были сделаны секреты, или тайники, за кустами, и там должны были находиться Флегонт и Храпошка.

Тайников этих не было видно, и некоторые указывали только на едва заметные

«сошки», с которых один из стрелков должен был прицелиться и выстрелить в Сганареля.

Яма, где сидел медведь, тоже была незаметна, и мы поневоле рассматривали красивых вершников, у которых за плечом было разнообразное, но красивое вооружение: были шведские Штрабусы, немецкие Моргенраты, английские Мортимеры и варшавские Колеты. ¹⁰

Дядя стоял верхом впереди цепи. Ему подали в руки свору от двух сомкнутых злейших «пьявок», а перед ним положили белый платок.

Молодые собаки, для практики которых осужден был умереть провинившийся Сганарель, были в огромном числе и все вели себя крайне самонадеянно, обнаруживая пылкое нетерпение и недостаток выдержки. Они визжали, лаяли, прыгали и путались на сворах вокруг коней, на которых сидели одетые в форменное платье доезжачие, а те беспрестанно хлопали арапниками, чтобы привести молодых, непомнивших себя от нетер-

пения, псов к повиновению. Все это кипело желанием броситься на зверя, близкое присутствие которого собаки, конечно, открыли своим острым, природным чутьем.

Настало время вынуть Сганареля из ямы и пустить его на растерзание!

Дядя махнул положенным на его седло белым платком и сказал: «Делай!»

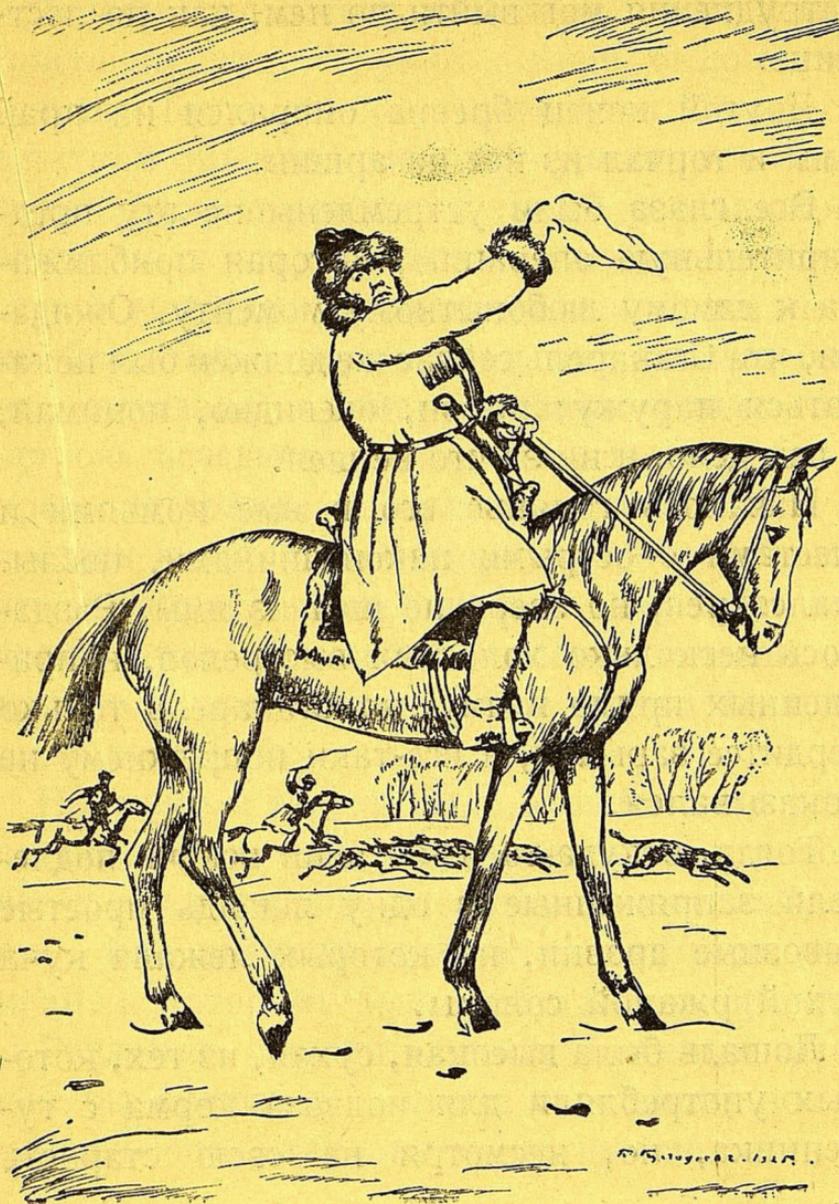
Х

Из кучки охотников, составлявших главный штаб дяди, выделилось человек десять и пошли вперед через поле.

Отойдя шагов двести, они остановились и начали поднимать из снега длинное, не очень толстое бревно, которое до сей поры нам издалека нельзя было видеть.

Это происходило как раз у самой ямы, где сидел Сганарель, но она тоже с нашей далекой позиции была незаметна.

Дерево подняли и сейчас же спустили одним концом в яму. Оно было спущено с таким пологим уклоном, что зверь без

W. G. Woodcut. 1847.

затруднения мог выйти по нем, как по лестнице.

Другой конец бревна опирался на край ямы и торчал из нее на аршин.

Все глаза были устремлены на эту предварительную операцию, которая приближала к самому любопытному моменту. Ожидали, что Сганарель сейчас же должен был показаться наружу; но он, очевидно, понимал, в чем дело, и ни за что не шел.

Началось гонянье его в яме комьями и шестами с острыми наконечниками, послышался рев, но зверь не шел из ямы. Раздалось несколько холостых выстрелов, направленных прямо в яму, но Сганарель только сердитее зарычал, а все-таки попрежнему не показывался.

Тогда, откуда-то из-за цепи вскачь подлетели запряженные в одну лошадь простые навозные дровни, на которых лежала куча сухой ржаной соломы.

Лошадь была высокая, сухая, из тех, которых употребляли для подвоза корма с гуменика, но, несмотря на свою старость

и худобу, она летела, поднявши хвост и на-топорщив гриву. Трудно, однако, было определить: была ли ее теперешняя бодрость остатком прежней молодой удали, или это скорее было порождение страха и отчаяния, внушаемых старому коню близким присутствием медведя. Повидимому, последнее имело более вероятия, потому что лошадь была взнуздана, кроме железных удил, еще острою бечевкою, которою и были уже в кровь истерзаны ее посеревшие губы. Она и неслась и металась в стороны так отчаянно, что управлявший ею конюх в одно и то же время драл ей кверху голову бечевой, а другою рукою немилосердно стегал ее толстою нагайкой.

Но, как бы там ни было, солома была разделена на три кучи, разом зажжена и разом же с трех сторон скинута, зажженная, в яму. Вне пламени остался только один тот край, к которому было приставлено бревно.

Раздался оглушительный, бешеный рев, как бы смешанный вместе со стоном, но... медведь опять-таки не показывался...

До нашей цепи долетел слух, что Сганарель весь «опалился», и что он закрыл глаза лапами и лег вплотную в угол к земле, так что «его не стронуть».

Лошадь, с разрезанными губами, понеслась опять вскачь назад... Все думали, что это была посылка за новым привозом соломы. Между зрителями послышался укоризненный говор: зачем распорядители охоты не подумали ранее припасти столько соломы, чтобы она была здесь с излишком. Дядя сердился и кричал что-то такое, чего я не мог разобрать за всею поднявшеюся в это время у людей суетою и еще более усилившимся визгом собак и хлопаньем арапников.

Но во всем этом виднелось настроение и был, однако, свой лад, и лошадь уже опять, метаясь и храпя, неслась назад к яме, где залег Сганарель, но не с соломою: на дровнях теперь сидел Ферапонт.

Гневное распоряжение дяди заключалось в том, чтобы Храпошку спустили в яму, и чтобы он сам вывел оттуда своего друга на травлю...

ХІ

И вот Ферапонт был на месте. Он казался очень взволнованным, но действовал твердо и решительно. Нимало не сопротивляясь барскому приказу, он взял с дровней веревку, которою была прихвачена привезенная минутой тому назад солома, и привязал эту веревку одним концом около зарубки верхней части бревна. Остальную веревку Ферапонт взял в руки и, держась за нее, стал спускаться по бревну, на ногах, в яму..

Страшный рев Сганареля утих и заменился глухим ворчанием.

Зверь как бы жаловался своему другу на жестокое обхождение с ним со стороны людей; но вот и это ворчание сменилось совершенной тишиной.

— Обнимает и лижет Храпошку, — крикнул один из людей, стоявших над ямой.

Из публики, размещавшейся в санях, несколько человек вздохнули, другие поморщились.

Многим становилось жалко медведя, и тра-
вя его, очевидно, не обещала им большого
удовольствия. Но описанные мимолетные впе-
чатления внезапно были прерваны новым
событием, которое было еще неожиданнее и
заключало в себе новую трогательность.

Из творила ямы, как бы из преисподней,
показалась курчавая голова Храпошки в
охотничьей круглой шапке. Он взбирался
наверх опять тем же самым способом, как и
спускался, то есть Ферапонт шел на ногах
по бревну, притягивая себя кверху крепко
завязанной концом наружи веревки. Но Фе-
рапонт выходил не один: рядом с ним, креп-
ко с ним обнявшись и положив ему на плечо
большую косматую лапу, выходил и Сгана-
рель... Медведь был не в духе и не в аван-
тажном виде.¹⁰ Пострадавший и изнурен-
ный, повидимому, не столько от телесного
страдания, сколько от тяжкого нервного по-
трясения, он сильно напоминал короля Ли-
ра.¹¹ Он сверкал исподлобья налитыми
кровью и полными гнева и негодования гла-
зами. Так же, как Лир, он был и взъеро-

Т. Кирпичев 1915

шен, и местами опален, а местами к нему пристали будылья соломы. Вдобавок же, как тот несчастный венценосец, Сганарель, по удивительному случаю, сберег себе и нечто вроде венца. Может быть, любя Ферापонта, а, может быть случайно, он зажал у себя подмышкой шляпу, которую Храпошка его снабдил, и с которою он же поневоле столкнул Сганареля в яму. Медведь сберег этот дружеский дар, и . . . теперь, когда сердце его нашло мгновенное успокоение в объятиях друга, он, как только стал на землю, сейчас же вынул из-подмышки жестоко измятую шляпу и положил ее себе на макушку . . .

Эта выходка многих насмешила, а другим зато мучительно было ее видеть. Иные даже поспешили отвернуться от зверя, которому сейчас же должна была последовать злая кончина.

XII

Тем временем, как все это происходило, псы взвыли и взметались до потери всякого повиновения. Даже арапник не оказывал на

них более своего внушающего действия. Щенки и старые пъявки, увидя Сганареля, поднялись на задние лапы и, сипло воя и храпя, задыхались в своих сыромятных ошейниках; а в это же самое время Храпошка уже опять мчался на ворковом одре к своему секрету под лесом. Сганарель опять остался один и нетерпеливо дергал лапу, за которую случайно захлестнулась брошенная Храпошкой веревка, прикрепленная к бревну. Зверь, очевидно, хотел скорее ее распутать или оборвать и догнать своего друга, но у медведя, хоть и очень смышленного, ловкость все-таки была медвежья, и Сганарель не распускал, а только сильнее затягивал петлю на лапе.

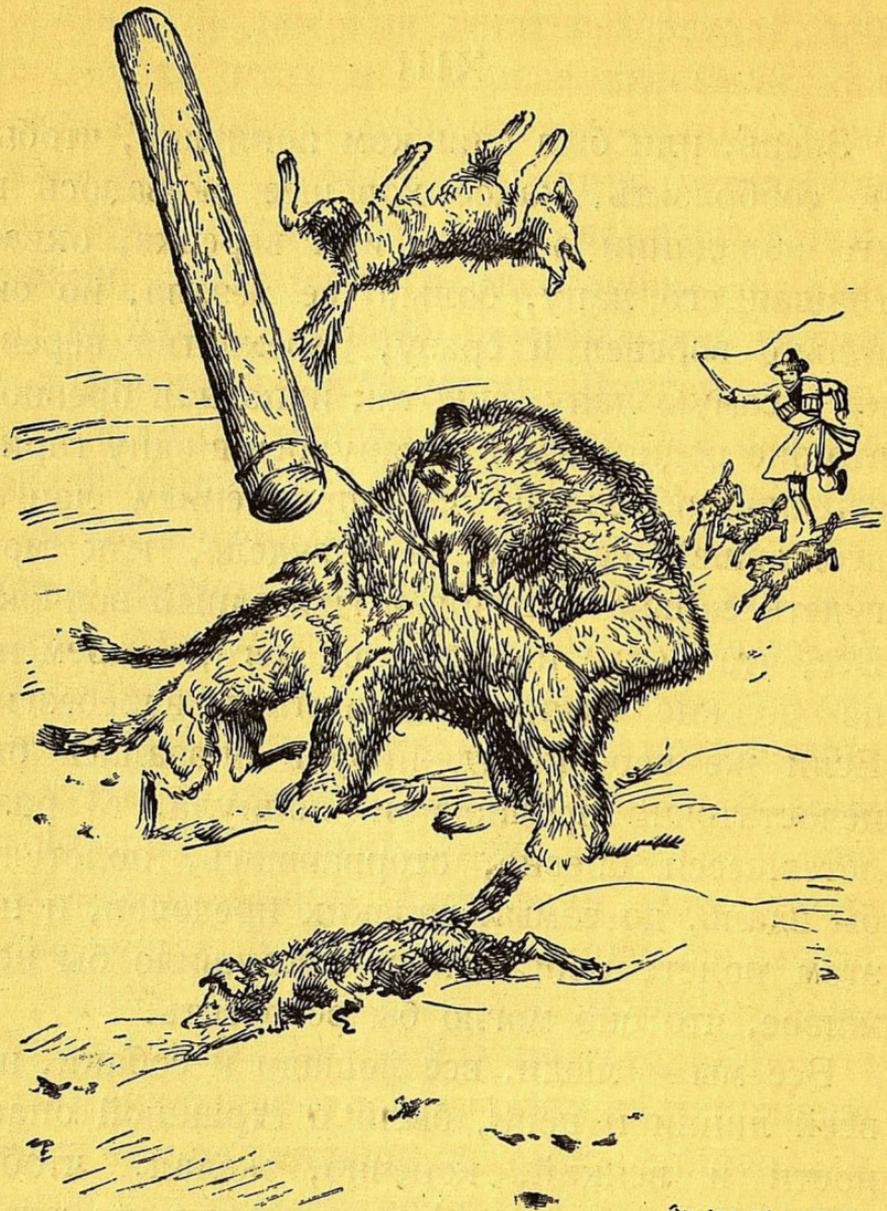
Видя, что дело не идет так, как ему хотелось, Сганарель дернул веревку, чтобы ее оборвать, но веревка была крепка и не оборвалась, а лишь бревно вспрыгнуло и стало стоймя в яме. Он на это оглянулся; а в то самое мгновенье две пущенных из стаи со своры пъявки достигли его и одна из них со всего налета впилась ему острыми зубами в загорбок.

Сганарель так был занят с веревкой, что не ожидал этого и в первое мгновенье как будто не столько рассердился, сколько удивился такой наглости; но потом, через полсекунды, когда пьявка хотела перехватить зубами, чтобы впиться еще глубже, он рванул ее лапою и бросил от себя очень далеко и с разорванным брюхом. Другая собака была в то же мгновенье раздавлена под его задней лапой... Но что было всего страшнее и всего неожиданнее, — это то, что случилось с бревном. Когда Сганарель сделал усиленное движение лапою, чтобы отбросить от себя впившуюся в него пьявку, он тем же самым движением вырвал из ямы крепко привязанное к веревке бревно, и оно полетело пластом в воздухе. Натянув веревку, оно закружило вокруг Сганареля, как около своей оси, и, чертя одним концом по снегу, на первом же обороте размозжило и положило на месте не двух и не трех, а целую стаю поспевавших собак. Одни из них взвизгнули и копошились из снега лапками, а другие как кувыркнулись, так и вытянулись.

XIII

Зверь, или был слишком понятлив, чтобы не сообразить, какое хорошее оказалось в его обладании оружие, или веревка, охватившая его лапу, больно ее резала, но он только взревел и сразу, перехватив веревку в самую лапу, еще так наподдал бревно, что оно поднялось и вытянулось в одну горизонтальную линию с направлением лапы, державшей веревку, и загудело, как мог гудеть сильно пущенный громадный волчок. Все, что могло попасть под него, непременно должно было сокрушиться вдребезги. Если же веревка где-нибудь оказалась бы недостаточно прочною и лопнула, то разлетевшееся бревно, оторвавшись, полетело бы вдаль, до самых далеких пределов, и на этом полете непременно сокрушило бы все живое, что оно могло бы встретить.

Все мы — люди, все лошади и собаки, на всей линии и цепи, были в страшной опасности и всякий, конечно, желал, чтобы для сохранения его жизни веревка, на кото-

рой вертел бревно Сганарель, была крепка. Но какой, однако, все это могло иметь конец? Этого, впрочем, не пожелал дожидаться никто, кроме нескольких охотников и двух стрелков, посаженных в секретных ямах у самого леса. Вся остальная публика, то есть все гости и семейные дяди, приехавшие на эту потеху в качестве зрителей, не находили более в случившемся ни малейшей потехи. Все в перепуге велели кучерам как можно скорее скакать далее от опасного места, и в страшном беспорядке, тесня и перегоняя друг друга, помчались к дому.

В спешном и беспорядочном бегстве по дороге было несколько столкновений, несколько падений, немного смеха и не мало перепугов. Выпавшим из саней казалось, что бревно оторвалось от веревки и свистит, пролетая над их головами, а за ними гонится расшвиравшийся зверь.

Но гости, достигши дома, могли притти в покой и оправиться, а те немногие, которые остались на месте травли, видели нечто, гораздо более страшное.

XIV

Никаких собак нельзя было пускать на Сганареля. Ясно было, что при его страшном вооружении бревном он мог победить все великое множество псов без малейшего для себя вреда. А медведь, вертя свое бревно и сам за ним поворачиваясь, прямо подавался к лесу, и смерть его ожидала только здесь, у секрета, в котором сидели Ферапонт и без промаха стрелявший Флегонт.

Меткая пуля все могла кончить смело и верно.

Но судьба удивительно покровительствовала Сганарелю и, раз вмешавшись в дело зверя, как будто хотела спасти его во что бы то ни стало.

В ту самую минуту, когда Сганарель сравнился с привалами, из-за которых торчали на сошках наведенные на него дула кухенрейтеровских штуцеров Храпошки и Флегонта, веревка, на которой летело бревно, неожиданно лопнула и... как пущенная из лука стрела, оно стрекнуло в одну сто-

рону, а медведь, потеряв равновесие, упал и покотился кубарем в другую.

Перед оставшимися на поле вдруг сформировалась новая живая и страшная картина: бревно сшибло сошки и весь замет, за кото-

рым скрывался в секрете Флегонт, а потом, перескочив через него, оно ткнулось и закопалось другим концом в дальнем сугробе; Сганарель тоже не терял времени. Перекувыркнувшись три или четыре раза, он прямо попал за снежный валик Храпошки...

Сганарель его моментально узнал, дохнул на него своей горячей пастью, хотел лизнуть языком, но вдруг с другой стороны, от Флегонта, крякнул выстрел и... медведь убежал в лес, а Храпошка... упал без чувств.

Его подняли и осмотрели: он был ранен пулею в руку навывлет, но в ране его было также несколько медвежьей шерсти.

Флегонт не потерял звание стрелка, но он стрелял впопыхах из тяжелого штуцера и без сошек, с которых мог бы прицелиться. Притом же на дворе уже было серо, и медведь с Храпошкой были слишком тесно сгучены....

При таких условиях и этот выстрел с промахом на одну линию должно было считать в своем роде замечательным.

Тем не менее — Сганарель ушел!

XV

Дядя вернулся после окончания описанной неудачной охоты такой гневный и суро-

вый, каким мы его еще никогда не видали. Перед тем, как сойти у крыльца с лошади, он отдал приказ — завтра чем свет искать следов зверя и обложить его так, чтобы он не мог скрыться.

Все ждали второго распоряжения — о раненом Храпошке, но его не последовало. Дядя быстро прошел «на свою половину».

Никто не сомневался, что Ферапонта должно было постигнуть нечто страшное. Он, по меньшей мере, был виноват в той оплошности, что не всадил охотничьего ножа в грудь Сганареля, когда тот очутился с ним вместе и оставил Храпошку нимало не поврежденным в своих объятиях.

Но, кроме того, были сильные и, кажется, вполне основательные подозрения, что Храпошка схитрил, что он в роковую минуту умышленно не хотел поднять своей руки на своего косматого друга и пустил его на волю.

Всем известная дружба Храпошки с Сганарелем давала этому предположению много вероятности.

Так думали не только участвовавшие в охоте, но так же точно толковали теперь и съехавшиеся гости.

XVI

К вечеру все собрались в большой зале. Говорили вполголоса. Чувствовалась общая тяжелая унылость.

Мы, дети, тоже тихонько перешептывались, строя самые ужасные предположения о судьбе бедного Храпошки.

От страха за него мы не могли играть и жались в кучку в темных углах залы, пользуясь тем, что на нас никто не обращал внимания.

Дядя все не показывался. Говорили, что о Храпошке все еще не было никакого приказания.

Уже незадолго до ужина, двери, наконец, широко растворились, и вошел дядя. Его сопровождали две его любимые борзые собаки и камердинер Жюстин, который нес за ним на серебряной тарелке его белый шел-

ковый платок и круглую табакерку с портретом царя Павла I.

Молча опустил он в свое глубокое кресло и молча же взял у Жюстина свою табакерку. У ног его тотчас же легли и вытянули свои длинные морды обе собаки. Дядя был в синем шелковом архалуке с вышитыми гладью застежками, украшенными пряжками с крупной бирюзой. В руках у него была его тонкая, но крепкая палка из натуральной кавказской черешни.

Палочка ему была теперь очень нужна, потому что во время суматохи, происшедшей на садке, отменно выезженная Щеголиха тоже не сохранила бесстрашия — она метнулась в сторону и больно прижала к дереву своего всадника.

Дядя чувствовал сильную боль в этой ноге и даже немного прихрамывал.

Это новое обстоятельство, разумеется, тоже не могло прибавить ничего доброго в его раздраженное и гневливое сердце.

При появлении дяди — все невольно замолчали.

В. Кутузов

— Привести сюда Ферапонта, — резко отчеканил дядя, взглянув на Жюстина.

Жюстин тотчас вышел.

Мы все напряженно ждали...

Но шли минуты, а слуга все не возвращался.

Тягостное молчание давило всех. Кое-кто робко перешептывался. Дядя, как бы желая нарушить эту зловещую тишину, громко сморкался.

Как большинство жестоких и подозрительных людей, он терпеть не мог молчания окружающих.

И вот, наконец, Жюстин вошел...

Дядя, сдвинув брови, молча смотрел на него.

— Ферапонта... нигде нет... не могли отыскать... — сиплым голосом произнес Жюстин.

— То есть, как это нет? — гаркнул дядя.

— Нет, везде обыскали... Из каморки его окно выбито... Ушел...

Все переглянулись. Мы, дети, едва не за-

визжали от радости, но во-время сдержались и, затаив дыхание, глядели на дядю.

— Ушел... И этот ушел!..

И тяжело поднявшись из кресла, дядя, прихрамывая, вышел из зала. Его бледное лицо было страшно.

ПОЯСНЕНИЯ К РАССКАЗУ

Писатель Н. С. Лесков жил от 1831 до 1895 года. Он является одним из ярких изобразителей крепостного быта, когда беспредельное самовластие помещиков развивало в их среде самые жестокие характеры и превращало их в настоящих зверей.

Такой помещик и изображается в рассказе «Зверь».

1. Следователь — судебный следователь, должностное лицо, производит первоначальное расследование, чтобы решить вопрос, должен ли быть предан суду человек, в чем-либо обвиняемый.

2. Арфой называется большой музыкальный инструмент треугольной формы с натянутыми струнами, на которых играют пальцами. Эол — по верованиям древних греков — повелитель ветров.

Воздушные Эолы арфы в старые годы устраивались для забавы во многих помещичьих домах.

3. Доезжачий — псовый охотник, приставленный ухаживать за гончими собаками.

4. Свора собак — соединенные на одном ремне несколько собак.

5. Кухенренторовский штуцер. — Штуцер — название охотничьего ружья с коротким стволом, которое употребляется для охоты на крупного зверя. Кухенрейтер — известная ружейная фабрика.

6. Сошки — связанные между собой палочки, которые поддерживают ружье над землею во время прицела и выстрела.

7. Грифон — порода длинношерстных лягавых собак. Пудель — порода комнатных собак с курчавой шерстью.

8. Стремянный — человек, который во все время охоты безотлучно состоит при владельце охоты, становится с ним рядом, как бы у его стремени, почему и носит название стремянного.

9. Архалук — короткий свободный кафтан, застегиваемый крючками.

10. Названия ружей различного устройства.

11. Неавантажный — не производящий хорошего впечатления.

12. Король Лир — действующее лицо трагедии английского писателя Шекспира. Старый король Лир гоним и оскорбляем своими дочерьюми; в изгнании он сходит с ума. В этих сценах его изображают с всклокоченными седыми волосами, украшенными венцом из соломы.

Apr. 1969

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637
TEL. 773-707-5000
FAX 773-707-5001
WWW.CHICAGO.LIBRARY.EDU

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

С. ГРИГОРЬЕВ
БЕРКО КАНТОНИСТ
ПОВЕСТЬ

Рисунки и обложка
К. КУЗНЕЦОВА

Повесть С. Григорьева на основе исторических документов знакомит с интереснейшими и мало известными страницами Николаевской эпохи — „школами кантонистов“.

„Школа кантонистов“, метод занятий в ней, выжившие из ума преподаватели, жесточайшие наказания, дикое начальство и произвол в школе, — все это в повести описано живо и местами очень красочно и умело.

(Из отзыва в газ. „Комсомольская Правда“
4 января 1928 г.)

Продается во всех магазинах и отделениях Госиздата